

Николай Ульянов, человек блестящий, пишущий об истории как профессиональный литератор, а о литературе — с точностью и обстоятельностью профессионального историка, к большому сожалению, мало известен у себя на родине. Все книги его вышли в Америке, но все они — о России, ее истории, ее литературе и культуре. Мы выбрали статью Ульянова о Степане Борисовиче Веселовском, вернее — о его исследовании опричнины, продолжая разговор о великом историке Веселовском, начатый в предыдущем номере журнала размышлениями Андрея Юрганова.

Николай Ульянов

Тень Грозного

Академик Степан Борисович Веселовский, никогда не выпускавший популярных книжек, не искавший успеха на лекторском поприще, остался почти неизвестен широкой публике. Но он приобрел высокое имя в ученых кругах и принадлежит к числу самых значительных русских историков. В ряде областей, особенно в истории поземельных отношений Московского государства, он был первым авторитетом. Его знание первоисточников печатных и рукописных — совершенно изумительно.

Заметки об опричнине написаны им в 1940-1945 годы, то есть в годы, сразу же последовавшие за ежовщиной, в период наибольшего превознесения имени Грозного. Фильмы Эйзенштейна показывались в это время по всей стране, исторические романы вроде трилогии В. Костылева «Иван Грозный» издавались большими тиражами, о них писались хвалебные рецензии. Все вместе сливалось в еди-

ный хор прославления опричнины. Сближение дела Грозного с делом Сталина настолько бросалось в глаза, что понятно было младенцу.

Совершенно очевидно, труд, предпринятый С.Б. Веселовским, мог вестись только в глубокой тайне. Это не значило, что отдельные его части, вроде «Духовного завещания царя Ивана 1572 г.» или «Синодик опальных царя Ивана как исторический источник», не могли появляться в печати. Их сугубо источниковедческий характер никого не наводил на мысль о пересмотре целого исторического сюжета... Но вся работа в целом, заключающая основные мысли автора, не могла быть не только опубликована, но и поведена самым близким людям.

Труд С.Б. Веселовского — незаконченное и неотделанное произведение, не книга, а ряд очерков. Есть основание думать, что он был прерван по какой-то внешней причине, быть

может, по боязни доноса и обыска. Обстановка создалась, по-видимому, опасная даже для келейного продолжения работы. Началась ждановщина, пошли «проработки».

По этой или по другой причине, но с 1945 года до самой смерти историка, последовавшей в 1952 году, он не написал ни одного нового очерка об опричнине и, видимо, не занимался приведением в порядок ранее написанного. И все же, несмотря на полусырой вид, в котором она появилась*, книга С.Б. Веселовского может считаться самым интересным, самым ярким высказыванием об опричнине после знаменитой второй главы «Очерков по истории Смуты» С.Ф. Платонова. Об этой главе необходимо сказать несколько слов по той причине, что на нее направлен весь огонь полемики Веселовского.

Высказывания автора «Смуты» явились как бы последним словом до-революционной русской историографии, они оказали наиболее сильное влияние на умы, усвоены были не только наукой, но вошли в школьное и университетское преподавание, в

*С.Б. Веселовский, «Исследования по истории опричнины».

популярные книги и очерки, сделались в некотором роде общепризнанными. Они впервые, может быть, отделили Грозного от опричнины, превратив ее в закономерное историческое явление, обусловленное объективными процессами русской социально-экономической жизни, а вовсе не нравом и темпераментом царя. Личные свойства Ивана могли придать ей кровавое обличье, но не общий смысл. Значение ее как большой реформы, направленной на ликвидацию боярско-вотчинного режима и на мобилизацию земель для раздач нарождавшемуся служилому дворянству, — определено самой историей. Личность Грозного тем самым оправдывалась, если не морально, то государственно-политически; его характеристика умного, дальновидного и твердого правителя, разрубившего гордиев узел русской жизни, приобретала солидный базис.

Веселовский отрицает за опричной значению важной государственной реформы и не видит в ней никакого разумного основания. Ни одной настоящей проблемы того времени она не разрешила и не могла разрешить, потому что возникла не с той целью, какую приписывают ей историки XIX-XX вв.

Сокрушение платоновской точки зрения начинается с разбора главной тезы, сформулированной так: «В центральных областях государства для опричнины были отведены как раз те местности, где еще существовало на старых удельных территориях землевладение княжат, потомков владельцев князей».

... Веселовский считает это полным недоразумением. В областях, перешедших в опричнину, нечего было ломать. Княжеских вотчин там не наблюдалось, они были ликвидированы еще ледом и отцом Ивана.

... Веселовский напоминает читателю, что за последние два десятилетия XV века Иван III лишил всех княжат суверенных прав — суда, дани, независимости от наместников и волостей. Грозному нечего было делать в этом направлении. Сам он за-

долго до опричнины запретил особым указом в 1550 году митрополиту и владыкам принимать к себе на службу детей боярских без особого разрешения царя, а в 1556 году обязал служить всех землевладельцев царю и никому другому. Важные эти распоряжения, наносившие последний удар удельно-вотчинному порядку, сделаны были в период пребывания у власти Избранной Рады и тех самых советников, на которых Грозный завел опричнину. Все это дает право нашему историку поставить недоуменный вопрос: на чем же основано общепринятое в исторической литературе мнение, будто княженецкое землевладение представляло большую силу и будто царь Иван, учреждая опричнину, поставил себе задачей искоренить аграрную знать? Объясняет он это исключительно незнанием фактов.

Объявив ломку удельно-вотчинного землевладения сплошным мифом, он считает таким же мифом приписанную опричнине мобилизацию земель в пользу мелкопоместного дворянства и детей боярских. С территорий, отписанных в опричнину, большинство мелкопоместных выселено вместе с крупными землевладельцами.

В опричный двор взяты немногие. Нет материалов, могущих доказать, будто мелкое служилое сословие в чем-то выиграло от опричнины, зато известно, что пострадало от нее больше, чем боярская знать. Характерен случай с Новгородом. Там со времен Ивана III не существовало крупного боярства; этот «разумный самодержец» вывел его в рязанские, владимирские, коломенские пределы, а вотчины поразделил между служилыми людьми, посланными из Москвы. Он насадил там тот вид землевладения, ради торжества которого будто бы учреждена была опричнина. Грозному надлежало бы усматривать в новгородских помещиках свою социальную опору, между тем он разорил и истребил их не хуже знатных бояр. То же со Псковом.

Веселовский отрицает правдивость показаний Таубе, Крузе и Генриха Штадена, будто приспешников своих царь набирал из худородных и простых людей. «Командная верхушка опричного двора, — говорит он, — в генеалогическом отношении была ничуть не ниже титулованного и нетитулованного дворянства старого государева двора». Там даже местничество продолжало существовать. Некомандная часть состояла точно так же в значительной степени из старого служилого сословия. Жертвы опричнины в гораздо большем числе насчитываются в низах — у рядовых помещиков и простолюдыя. Их вы-

селяли, ссылали и казнили сотнями и тысячами. «Демократизм» Грозного — легенда.

Веселовский недоумевает: если опричный террор задуман и направлен был против старой знати, то что за смысл в истреблении ее слуг и крестьян? Штаден и Шлихтинг красочно описывают, как после казни боярина И.Ф. Федорова царь сам ездил по его усадьбам со своими «кромешниками», избивал мужиков и дворню, жег села, уничтожал скот. Синодики, перечисляющие жертвы таких экспедиций, полны записями, вроде: «в Ивановском Большом православных христиан семнадцать человек, да четырнадцати человек ручным усечением конец прияша...». ... Когда же доходит до новгородского погрома, жертвы исчисляются тысячами. «По малютинские ноугородские посылки отделано скончавшихся православных христиан тысяща четыреста девятыдесят человек, да из пищали пятнадцать человек, им же имена сам Ты Господи веси».

Если не брать в расчет беспримерного и совершенно необъяснимого истребления новгородцев, которых «отделано» до 20000 и которые ни с какой стороны ни к боярству, ни к вотчинному землевладению не имели отношения, то и тогда процент убитых простых людей — мужиков, дворян, посадских и мелких помещиков — неизмеримо превышает процент бояр и высших чинов. Как это согласовать с тем смыслом, который приписывается опричной политике Грозного?

Не прошел Веселовский и мимо давно известного факта запустения полей — результата хозяйничанья опричников. В некоторых уездах до 90 процентов крестьянских дворов лежало влусте. О «прогрессивности» опричнины в свете таких данных можно говорить только иронически.

С.Б. Веселовский считает ее неумным делом, хотя бы потому, что просуществовав шесть-семь лет, она доказала свою непригодность и была уничтожена Иваном с таким же ожес-

точением и казнями, с какими он громил прежний порядок. Пользы от нее не было даже для знаменитого «укрепления самодержавной власти», вред же неисчислимый. Не видит Веселовский в личности Грозного и того величия, которое ему часто приписывают. Напротив — он трусливый тиран, смелый на избиения беззащитных подданных, но спасающийся бегством от подлинной опасности. Так, он дважды убежал при нападениях Девлет Гирея в 1571 и 1572 годах, оставляя Москву и весь край на разграбление.

Не с лучшей стороны представляется он и во время знаменитого удаления в Александровскую слободу, перед учреждением опричнины. У Иоганна Таубе и Элмерта Крузе есть указание на любопытную подробность: когда царь, после полугодичного пребывания в опричной берлоге, вернулся в Москву, он был неузнаваем — выпала вся борода и все волосы на голове. В большинстве случаев это преобразование толкуют в благоприятном для Ивана смысле. Один из наших религиозных философов вспомнил недавно об этой вылезшей бороде и поставил ее в связь с душевными терзаниями, охватившими будто бы царя перед принятием страшного решения. Совесть знал! Бога боялся! Веселовский объясняет иначе: ... подготавливая государственный переворот, царь, несмотря на тщательную его продуманность и подготовку, не был полностью уверен в удаче и считался с возможностью проигрыша. А так как на карту поставлены были жизнь и трон, то причин для нервного напряжения было достаточно. Но где же тут высота и смелость духа, наблюдавшиеся у многих великих узурпаторов, чей риск был гораздо больше? Почему ни у Цезаря, ни у Наполеона не выпадала борода, когда они переходили свои Рубиконы?

Страсть, с которой С.Б. Веселовский негодует по поводу превознесения добродетелей Грозного и оправдания его террора, не может не удивлять всех знавших его прежнюю академи-

ческую уравновешенность. За ученой манерой изложения кроется такой протест против бесчеловечности, творившейся в Москве четыре века тому назад, который находим только в записках очевидцев и современников, вроде Курбского и Шлихтинга. Откуда такая взволнованность у нашего историка? Над ответом не приходится задумываться: она, конечно, порождение живого зрелища нового подобию опричнины.

С.Б. Веселовский, как всякий простой смертный в Советском Союзе, не располагал другой информацией по части высокой политики, кроме того что непосредственно видел, слышал, вычитывал из газет. Его осведомленность была, безусловно, меньше эмигрантской; но ум, впечатлительность и близость к театру страшных действий открыли то, чего не могут открыть до сих пор присяжные эксперты, неспособные удовлетворительно объяснить сущность сталинского террора. Если террор Ленина-Дзержинского имел известную партийную логику, то сталинский никакому осмыслению не поддается. Годы 1934–1939 остаются по сей день такой же загадкой, как годы 1564–1571. И не потому ли, что в сталинском неистовстве, как в неистовстве Грозного усматривают либо скрытый государственно-политический смысл, либо безумие? Версия о сумасшествии «отца народов» высказана очень солидными людьми. Но что если правы не эти искушенные

политики, а простые смертные, инстинктивно отвергающие как то, так и другое объяснение? Они найдут в книге Веселовского большой материал для размышлений.

Я далек от мысли приписывать такому солидному ученому, как С.Б. Веселовский, пошлый метод «проекции» политики в прошлое, насаждавшийся некогда М.Н. Покровским. Не допускаю, чтобы его увлекали и плоские аналогии между XX и XVI веками. Но, несомненно, события 1934-1939 годов наложили печать на его исследование. Отмечаю это не для умаления его труда и таланта, а как раз наоборот, вижу в этом признак большого дарования.

... В основе всех великих открытий лежит догадка, как момент, предшествующий формально логическим заключениям. Во взгляде нашем на прошлое роль интуитивного постижения так же исключительно велика. ... Не законно ли предположить, что ключ к новому пониманию опричнины обретен в обстановке второй половины 30-х годов нашего столетия? Это тем более законно, что сам Сталин сделал все, чтобы предельно сблизить себя и свое дело с делом и личностью Грозного. Вот почему высказывания Веселовского о Грозном дадут, несомненно, пищу и для нового понимания сталинской опричнины. Они логически приводят к заключению, что ни та, ни другая не вызваны политической необходимостью, но порождены — дикостью природы, властолюбием, манией величия, злодейством и тиранническими наклонностями их творцов в соединении с трусостью и подозрительностью. Непомерной подозрительностью объясняет Веселовский новгородскую карательную экспедицию. Ложные доносы, нашептывания, обвинявшие новгородцев в «измене», не были ни разу проверены или подвергнуты сомнению. Историки опричнины, подобно наблюдателям ежовщины, не в состоянии объяснить беспричинности большинства казней. Чаще всего это относилось за счет «безумия» царя или того, что при Дзержинском называлось «массовым

охватом», когда казнят не за вину, а за принадлежность к классу. Но Веселовский, занимаясь генеалогическими изысканиями, нашел причину необъяснимых опал в родственных связях и знакомствах с прежде казненными людьми. Не то ли видели мы в 1934-1939 годах? Когда не только сыновья шли на расстрел за отцов, но сослуживцы, соседи по квартире, случайные знакомые, выпившие вместе с потерпевшим рюмку водки.

Страхом и подозрительностью объясняется необычайное распространение «поручных записей». Они существовали издавна как средство борьбы с отъездом бояр к другим владетельным государям. Но ко времени Грозного случаи отъезда почти прекратились по той причине, что не кому стало отъезжать, и кроме того, подавляющее число московских служилых родов уже более двухсот лет служило наследственно от отца к сыну так, что самая память об отъездах заглохла в их среде. Между тем именно при Грозном, до и во время опричнины, наблюдается невиданное количество поручных записей. Возникновение их объясняется не отъездами, а чем-то другим. Веселовский объясняет их побегам за границу как следствие несправедливых казней. Казни начались задолго до опричнины и сделались, по его мнению, одной из причин ее возникновения. Убежавший в Литву или Ливонию навлекал обычно опалу на своих

родственников, а казнь этих последних вызывала новые побеги, и так завязывался клубок сложной взаимозависимости.

... Эта чрезмерная практика привела к последствиям, вряд ли предвиденным Грозным. Она сплотила ту среду, с которой царь вступил в конфликт. Чем больше он находил в ней изменников, тем сильнее было ответное сопротивление и к тем более крайним мерам это побуждало царя. Вот почему поручные записи Веселовский считает одной из причин возникновения опричнины.

... Очень часто мертвый архивный материал оживает под действием событий; тогда он дает важные улики, подобно тому, как кровь, выступающая из ран убитого, уличает подошедшего к нему убийцу. Великий убийца XX века, повязавший круговой порукой, сиречь «бдительностью», партию, комсомол, профсоюзы, советские ведомства, заставил серенькие, невзрачные документы дать показания большой важности.

Немифическое «крамольное боярство» составило заговор против Грозного, а сам Грозный с ловкостью опытного конспиратора организовал заговор против подданных. Раньше мысль о планомерно подготовлявшемся перевороте не приходила в голову историкам. Знаменитый отъезд в Александровскую слободу объяснялся либо душевым смятением царя, гра-

ничившим с безумием, либо «инсценировкой», как выразился С.М. Соловьев. Одно из самых оригинальных мест книги С.Б. Веселовского, посвященное анализу событий конца 1564 и начала 1565 годов, рисует нам картину тщательно обдуманного и умело проведенного государственного переворота. Тут и ловкая маскировка удаления из Москвы под видом поездки на богомолье, тут и увоз с собой казны, драгоценностей, вплоть до золотой и серебряной посуды и гардероба, тут и приказание взять с собой жен и детей всем избранным сопровождать его людям. Приказано было также выступить с ним вместе, в полном боевом снаряжении дворянам и детям боярским «выбором изо всех городов». Уводя с собой чуть не половину воинской силы, он ослаблял Москву на случай ее возможного сопротивления. Сильный маневр придуман был для деморализации столицы: царь, в нарушение древнего обычая, не назначил никого, кто бы «ведал Москву» в его отсутствие. Государство осталось без власти, вследствие чего остановилась работа всего правительственного аппарата. А царь прислал из Александровской слободы грамоту для публичного прочтения, выписывая в ней «неправды» стоявших у власти людей и вместе с тем заверяя, чтобы торговые, посадские и простой народ «никогого сомнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет». В этом заключалась недвусмысленная угроза поднять простой люд против знати, в случае, если та не капитулирует перед царем. При таких обстоятельствах не нашлось охотников брать на себя ответственность по управлению покинутой царем столицей, особенно, когда стало известно, что новая резиденция Ивана превращена в военный лагерь и там стоит корпус служилых людей, готовых в любой момент двинуться на Москву.

План, по мнению Веселовского, так тщательно был разработан, что имел несколько вариантов на случай того или иного поворота событий. Правительственным чинам, застигну-

тым врасплох и увидевшим себя в сетях, ничего не оставалось, как принять царский ультиматум, изложенный в грамоте к митрополиту.

Покидая Москву, царь оставил там подобие «агитпропа», возложив на него обязанность разъяснять населению смысл царского отъезда. Главной темой агитации было: один только царь стоит на страже государственных и народных интересов и печется обо всем. Внушалась мысль о всеобщей преступности правящего слоя и неспособности его управлять государством. Одному царю по плечу такая задача, если не будут мешать изменники.

Это тоже не случайно, что ни одному из прежних историков не приходила в голову мысль об огромной роли пропаганды и обработки общественного мнения в эпоху опричнины. По словам Веселовского, Грозному удалось даже историков заставить смотреть на некоторые вещи в желательном для него смысле. Такова легенда о боярском кружке, возглавлявшемся Сильвестром и Адашевым и связавшем будто бы царя своей опекой по рукам и ногам. ... По мнению Веселовского, Иван попросту оклеветал Сильвестра и Адашева и создал миф об их опеке над ним для оправдания их опалы и для гонений на всех, кому приписывалась такая же вина.

Читатель, не успевший познакомиться с книгой С.Б. Веселовского, вправе задать вопрос, с кем же все-таки боролся Грозный и против кого направлена была опричнина? Если это не «феодалное боярство», как думали раньше, если это не закрепощаемое

крестьянство, как утверждают по сей день хранители марксистско-ленинской ортодоксии, то кто же?

Труд Веселовского не имел бы той большой ценности, которую мы в нем усматриваем, если бы не отвечал на этот вопрос. Самыми значительными, самыми оригинальными страницами «Исследований по истории опричнины» являются те, что посвящены «государеву двору». Они выводят наконец исследовательскую мысль из марксистского тупика «классовых противоречий» и ленинского учения о государстве как об инструменте насилия в руках господствующего класса. Открытие Веселовского заключается в отрицании какой бы то ни было классовой подоплеки опричнины. Ярость царя направлялась не против «феодалов»-вотчинников, а против государственного аппарата, созданного его предками, особенно его дедом и отцом. Аппарат этот воплощен был в учреждении, на природу и историческую роль которого историки не обращали должного внимания. Между тем «государев двор» и был истинным выражением русского самодержавия. Здесь было сосредоточено все верховное управление страной — советники царя, «думцы», начальники приказов, дьяки, наместники, волостели, гонцы, чины всевозможных служб. Отсюда же комплектовался весь командный состав армии Московского государства от главнокомандующих и воевод полков, до сотенных голов. Сюда же относилась группа «жилцов», в количестве приблизительно 1800 человек, несшая службу по охране царской резиденции, употреблявшаяся для мелких поручений и в то же время составлявшая гвардию, «государев полк», который в случае войны выступал с царем в поход и представлял внушительную силу, потому что каждый жилец обязан был выставить от трех до пяти вооруженных слуг.

Первоначально это учреждение представляло нечто простое, похожее на помещичью дворню. Только по мере роста Московского государства и увеличения функций оно превратилось в сложное явление. Возникли

приказы, канцелярии, архивы, увеличились штаты, возросла роль бюрократии, появились признаки того, что принято называть государственной машиной. Служившие здесь бояре, независимо от того, вышли они из прежней удельной знати или из простых дворян, — сильны и горды были не происхождением, а исключительно местом, занимаемым в придворной иерархии и близостью к царской особе. А так как большинство поколений служило чуть не в продолжение 200 лет, то ни о каких «классовых» удельно-вотчинных интересах среди них говорить не приходится.

Против этого своего правительственного аппарата ополчился Иван IV, объявив его изменническим, ненадежным и опасным для себя. Под подозрение взяты были не одни бояре и дворяне, то есть чиновные верхи, но весь двор в целом. Казалось бы, он должен быть уничтожен. Но уничтожить учреждение, создавшееся исторически, не так-то просто; с ним вместе могло быть развалено и государство. Оставался выход: сохранить прежний двор и оставить за ним управление страной, а самому уйти из него, создать другой двор, с помощью которого контролировать и направлять работу первого. Для содержания же нового «опричного» двора отписать ряд земель и уездов в личное пользование царя. Таким образом, в государстве, изжившем удельную систему, образовался как бы новый удел. По своей организации и внутренней структуре он был копией старого государственного двора. Большая часть его людского состава взята была тоже из старого двора. Учинив строгую проверку, установив «кто к кому прихож», царь отобрал из прежних слуг тех, которые не внушали особого подозрения.

На какой же почве сложилось столь недоверчивое и враждебное отношение к старому двору? Это, по видимому, самый сложный вопрос во всей теме. Веселовский называет отмеченную еще прежними историками причину — расхождение царя с приближенными по поводу Ливонской войны. С этого началось. Но само по

себе такое разногласие не вызывало необходимости столь радикальных мер, оно могло быть улажено другим путем. Опричнины могло не быть вовсе, не вступил царь слишком быстро и опрометчиво на путь казней во время опалы Сильвестра и Адашева. В этом сказались его необузданность и дикость. Требуя огромного количества поручных записей, он сделал так, что казнь одного из слуг его двора заставляла трепетать за свою жизнь десятки других. Испугавшись такого результата собственной практики, царь, при своей мнительности и подозрительности, уже не мог не видеть смертельного врага в целом правительственном учреждении. Побег за границу и «измены», вроде Курбского, казалось, подтверждали подозрения. К этому присоединилась вакханалия доносов людей, увидевших, как охотно царь преклонял ухо ко всякого рода нашептываниям. Одни это делали ради карьеры, другие — спасая свою шкуру.

И наконец, не малую роль сыграли родственные связи Ивана с именитой частью двора, где никогда не затихали местнические распри и борьба за влиятельные должности. Грозный оказался незаметно для себя втянутым в эти интриги, проникшись их мелочными страстями. Веселовский склонен значительную долю вины за создание опричнины приписать Захарьиным-Юрьевым — родственникам Анастасии Романовны, первой жены Ивана. Так из сцепления мелких случайных фактов, отнюдь не «программного» характера, из личных свойств царя сложилось и возникло крупное историческое явление.